

Мел Гибсон — О семье и славе

Звезды на полосах

— Все ждали, что вы поставите "451 по Фаренгейту" и сыграете Монтега. Вместо этого вы сыграли в "Патриоте" многолетнего отца, оказывающегося в гуще военных действий. Вы снова снялись в роли, которой от вас никто не ждал.

— Я давно решил, что буду стараться заходить как можно дальше. Я отказался от имиджа секс-символа сразу же, как только увидел, что он может со мной сделать. Поэтому после "Смертельного оружия" я снялся в "Гамлете". Потом поставил "Человека без лица". Потом снял "Храброе сердце". Я старался застолбить себе в Голливуде как можно больше места, как можно больше свободы. А сегодня я слишком стар и потрепан, чтобы ковать из меня секс-символ.

— В вашем новом фильме много крови и жестокости. Почти как в "Храбром сердце". За "Храброе сердце" вы получили "Оскар", зачем же вы решили возвращаться к еще одной кровавой исторической драме?

— Я люблю эпические истории, которые переселяют зрителя в другие миры. Я люблю исторические фильмы, потому что благодаря им зритель может почувствовать себя частичкой великих исторических событий. В прошлом жизнь была проще и яснее. Ты знал, на чем стоишь, и знал, что расплачиваться за ошибки придется жизнью. Сегодня люди платят за ошибки гораздо дешевле — комфортом, счетами. Они беспокоятся о работе, налогах, ценах. Нас захлестывает поток информации, большая часть которой совершенно бесполезна и преподносится в искаженном виде. Мы видим по ТВ насилие и чувствуем себя совершенно бессильными перед ним. На нас вешают ответственность за все события в мире — и настоящие, и выдуманные. Мне кажется, что такие фильмы, как "Патриот", напоминают нам о том, что такое настоящие страсти, настоящая вера, настоящие проблемы.

— Вы по-прежнему любите кино, как 20 лет назад?

— Сегодня я нахожусь на распутье. Я не уверен, что мне хочется делать как актеру. Но я знаю, чего мне хочется как человеку — встряхивать эту систему, потому что это интересно. Поэтому я снялся у немецкого режиссера Вима Вендерса в фильме "Отель "Миллион долларов" — в нем очень сильна атмосфера классических черных фильмов, которые нравились мне в молодости. Но я старался сделать своего персонажа более ироничным — наверное, это шло от меня, от моей личности.

— В начале карьеры вы снимались в серьезных авторских фильмах — "Тим" (1979), "Галлиполи" (1981), "Год опасной жизни" (1982). Но затем перешли в коммерцию. Вы не жалеете об этом?

— Мне трудно объяснить, что происходило со мной в тот момент. Я был не в лучшей форме — и физически, и морально. Я начал работать в Америке, зарабатывать кучу денег, но не знал, что мне делать с этим успехом. Я не мог ходить по улицам, сидеть в кафе — на меня все пялились. Все актеры, познавшие успех, прошли через этот тяжелый этап приспособления к славе. Я не был достаточно зрелым человеком, поэтому мне это далось очень болезненно.

— Вам удается держать детей вдали от этого парада знаменитостей в Лос-Анджелесе?

— Я не хочу, чтобы мои дети выросли бездельниками и плейбоями. Они знают, что для того, чтобы добиться чего-то, нужно много работать. Отец приучил меня к тому, что человек в ответе за своих детей. Нельзя бросать их на произвол судьбы и надеяться, что они сами во всем разберутся. Работа отца — это нечто среднее между работой директора школы и сержанта в лагере для новобранцев. Хочется,

Новый исторический эпос "Патриот" с участием Мела Гибсона стал предметом оживленной полемики задолго до премьеры. 44-летний Гибсон играет в "Патриоте" участника войны за независимость Америки, который против своей воли оказывается втянутым в гущу сражений колонистов с английскими войсками. Мел Гибсон уже устал говорить о "Патриоте". Гораздо охотнее он говорит о себе.

чтобы детям было весело, чтобы они умели жить среди себе подобных. Но при этом хочется, чтобы они не думали о наркотиках и спиртном, и чтобы им не пришлось в голову ездить на папиной машине со скоростью 150 миль в час.

— У вас семеро детей. Когда их много, поддерживать порядок труднее или легче?

— Труднее. Хуже всего с подростками. На днях моя старшая дочь спросила, можно ли ей проколоть пупок. Я сказал — нет. А язык? Я снова сказал — нет. Но спросить, зачем ей это нужно, я не рискнул.

— Трудно ли папе-миллионеру объяснить ребенку, почему он не получит "Феррари" в день 15-летия?

— Думаю, сегодня все мои дети уже поняли, что никто не получит "Феррари" или чего-то еще в этом роде. Родители, которые портят детей дорогими подарками — идиоты. Мои дети имеют все, что им нужно, они знают, что отец с матерью заботятся о них и хотят вырастить из них умных людей.

— Но вы позволите им искать свое место в жизни?

— Это сложный вопрос. Детям нужна помощь, их нужно провести через много опасных моментов, дабы они избежали всяческих нехороших соблазнов. Но и становиться диктатором нельзя, потому что они взбунтуются и свергнут тиранический режим в семье. Поэтому все, что я могу сделать, — дать им общие представления о том, как надо жить. Дети должны верить в себя, в свои возможности, в обоснованность своих интересов. Основная причина юношеского бунта — стрем-

ление застолбить свое место в жизни, в мире, который ты еще не понимаешь и который засасывает тебя. Поэтому подростковый период — самый трудный в жизни. Ты учишься приспосабливаться к жизни, к другим людям. У тебя складывается собственное отношение к миру. Это нелегко.

— А как складывалось ваше отношение к жизни?

— У меня тоже были проблемы. Я любил драться с братьями и одноклассниками. Наверное, это было следствием переезда из США в Австралию и необходимости приспособления к новым условиям жизни, другой ментальности. В австралийцах мне всегда нравилось то, что они не любят поверхностного, наносного, и ценят в человеке то, кем он является, а не кем притворяется. К этому довольно трудно привыкнуть, но это причает смотреть на жизнь иначе. Ты учишься упрощать вещи, видеть происходящее более четко — особенно на личном уровне.

— Это помогло вам справиться со сложностями жизни знаменитости?

— Поначалу — нет. Я был очень наивен, и когда меня стали называть "самым сексапильным человеком в мире", у меня закружилась голова. Но я быстро почувствовал, что это фальшивка, что это нездоровая штука. Я заметил, что снимаюсь без перерыва, что у меня нет времени на семью, на детей. Я не мог приспособиться к этой жизни, но чувствовал, что становлюсь несчастным человеком. Большой кинозвездой, которая каждый вечер устраивает гулянку. Вот почему ка-

ждому мужчине нужна хорошая, понимающая жена. Робин увидела, что со мной происходит, и настояла на том, чтобы я остановился. Просто остановился, перестал сниматься, отдохнул. Полгода я не работал, жил дома и размышлял, что мне делать с моей карьерой.

— Наверное, это самое трудное для знаменитости — подняться над всей этой возней с гонорарами, таблоидами, сплетнями?

— О, да. Я вообще не понимаю, как с этим справляется нынешняя молодежь — им же по 16-18 лет, они совсем дети. И к тому же сегодня за звездами следят гораздо пристальнее, чем 20 лет назад. Я благодарен Богу за то, что моя молодость пришла на те годы, когда можно было веселиться безнаказанно. Сегодня я бы наверняка обеспечил таблоидам кучу интересных заголовков. Сегодня нельзя даже чихнуть — завтра твоя чихающая физиономия появится на первых полосах. Я не знаю, что бы сделал, если бы мне пришлось пережить то, что переживают Брэд Питт или Леонардо Ди Каприо. Конечно, это цена славы, плата за большие гонорары и большие роли. Но люди не понимают, что в тот момент, когда ты всего добиваешься, это становится неинтересно. Ты словно получаешь черную метку. Ты не можешь выпить стаканчик в баре с друзьями, потому что за это тебя завтра объявят алкоголиком. Ты не можешь поцеловать в щеку приятельницу, потому что завтра ее объявят твоей любовницей. Ты становишься нервным и подозрительным. Тебе хочется убить всех, кто на тебя смотрит и просит у тебя автограф.

— И единственный выход — уезжать из Голливуда как можно дальше?

— Да. Этот город — для работы, а не для отдыха. Здесь исповедуется разрушительный стиль жизни, здесь полно соблазнов. Я сам едва не попался, и знаю, что никогда не рискну повторить то, через что я здесь прошел. Что такое карьера, если она губит семью? Жизнь — это любовь и долг перед любимыми. Много лет назад мы с Робин поняли это и решили, что всегда будем вместе и всегда будем честны друг с другом.

— Значит, семья для вас важнее кино?

— Несомненно. Работа приходит и уходит. Я стараюсь не отдавать работе всего себя. Единственное исключение — когда я сам ставлю фильм. В эти периоды я уматываюсь настолько, что возвращаюсь домой полумертвым. Но Робин это терпит. Она удивительный человек. Она стержень нашей семьи. Она гораздо лучше меня ведет себя в трудных ситуациях. Порой я теряюсь перед принятием малоприятного решения. Мне трудно заставлять детей что-то делать, хотя я знаю, что это необходимо. Но Робин не колеблется — если отец боится непопулярных решений, их принимает она. Она не боится быть крутым парнем. Поэтому я и люблю ее так сильно.

— Что вам больше всего нравится в семейной жизни?

— Я люблю забирать детей из школы. Люблю ездить с ними летом на пляж, играть в футбол. Мне хочется, чтобы и им, и мне было что вспомнить.

Сьюзен ХОУАРД

Экран и сцена —